

Аляев Г.Е., Аляев Г.С., Aliaiev G.

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ОПРАВДАНИЕ ФИЛОСОФИИ

СЕНС ЖИТТЯ ЯК ВИПРАВДАННЯ ФІЛОСОФІЇ

SENSE OF THE LIFE AS THE PHILOSOPHY JUSTIFICATION

Анализируется роль философии в обществе и её отношение к поиску смысла человеческой жизни.

Ключевые слова: философия, смысл, смысл жизни, ценность.

Аналізується роль філософії у суспільстві та її відношення до пошуку сенсу людського життя.

Ключові слова: філософія, смисл, сенс життя, цінність.

The philosophy role in a society and its relation to search of sense of human life is analyzed.

Key words: philosophy, sense, sense of human life, value.

Почему философию надо оправдывать? И перед кем? И когда это началось?

Наверное, это началось ещё с Сократа, осуждённого – если говорить языком XX столетия – за неправильное идеологическое воспитание юношества. Можно вспомнить и Северина Бозция, утешавшегося философией в тюрьме, и Джордано Бруно, взошедшего на костёр за свои убеждения. Можно вспомнить Павла Флоренского, Густава Шпета и Льва Карсавина, не вернувшихся из ГУЛАГа, да и многих других «мучеников от философии». Уж точно, философский паром 1921 года на этом фоне воспринимается как далеко не самое жестокое наказание...

Впрочем, сейчас речь не об афинском суде, инквизиции или сталинской тройке. Мы говорим о философии – о её бытии, о её смысле, т. е. о её отношении к человеку и обществу. Соответственно, мы говорим о человеке – имея в виду и философа, и любого человека, и общество в целом, которое почему-то может философию принимать или не принимать.

Почему философию нужно оправдывать, т. е. оправдывать её существование? Очевидно, что в реальной жизни философия является неким избытком человеческого существования. Многие люди обходятся без

философии, по крайней мере, в том смысле, в котором её понимают сами философы – т. е., без определённой системы достаточно абстрактных знаний, требующих специальной подготовки. Философия, ассоциируемая с неким кругом специалистов, занимающихся некими отвлечёнными дискуссиями, в обыденном сознании представляется отнюдь не жизненно важным делом. И если в обществе возникает проблема с деньгами, то первыми, кого их лишают, становятся философы (точно так же, как уже было показано, их первыми наказывают, как только в обществе возникают проблемы с идеологией).

Поэтому философию приходится оправдывать, приходится доказывать её необходимость, её жизненную важность... Сократ, впрочем, доказывал, что философия нужна не для жизни, а для приготовления к смерти – но в его положении уже приговорённого к смерти это звучало скорее как самоуспокоение. И всё-таки отметим этот сократовский аргумент, приведённый им для тех, кто сам стремился к философской мудрости (для его учеников): философия как поиск истины фактически несовместима с жизнью *тела* – именно «по вине тела у нас нет досуга для философии»; она связана только с чистой жизнью *души*, а потому «знание вообще недостижимо, или же достижимо только после смерти», и «в этом как раз и состоят философские занятия – в освобождении и отделении души от тела» [Федон, 66d–67d].

Это аргумент для философов-отшельников. Но как оправдывать философию перед нефилософами, перед обществом? (Ведь при всём подвижничестве сократовского аргумента философы больше любят жизнь, чем смерть, и это естественно.) Конечно, можно брать в расчёт то, что разные категории людей, представители различных профессий и общественных статусов видят в философии нечто своё, и хотят её использовать по-разному. Приведём несколько примеров.

Политики стремятся использовать философию как обоснование своей власти. Философия оправдывается авторитетом и силой власти постольку, поскольку сама она превращается в *идеологию и апологетику власти* («учение Маркса всеильно, потому что оно верно!»). Но превращение философии в идеологию – это далеко не лучшая форма её существования. Скорее дело обстоит совсем наоборот – философия оправдана лишь тогда, когда она имеет мужество критиковать власть, давать ей объективную оценку, стоять выше власти и её алчных интересов. Впрочем, не будем здесь слишком категоричными – не всегда эта максима должна означать бескомпромиссное восхождение на Голгофу. Френсис Бэкон, например, сам слишком искушённый в отношениях с властью, утверждал, что «ничто не наносит такого вреда достоинству науки, как грубая и отвратительная лесть», однако признавал, что учёные-философы в определённых обстоятельствах вынуждены общаться с властью, даже поступаясь в чём-то своим достоинством. «И хотя это с первого

взгляда может показаться низким и достойным раба, однако если правильно оценить вещи, то придётся признать, что учёные уступили здесь не людям, а самому времени» [1, с. 102–103].

Сегодня политика вышла за границы отдельных стран – интенсивно и во всех областях жизни происходят процессы глобализации. Они происходят не только сами по себе, ими также занимаются люди, и эти люди тоже хотят использовать философию. В каком-то смысле именно с этим связан и тот праздник, который мы отмечаем – Всемирный день философии, установленный ЮНЕСКО, – организацией, глобализирующей образование, науку и культуру. Генеральный директор ЮНЕСКО г-жа Ирина Бокова призывает – в связи с политическими и природными катаклизмами 2011 года – «задуматься о смысле истории, социальной справедливости, гендерного равенства, основных свобод», в конечном счёте – «о месте человека в окружающем нас мире». Можно согласиться – и тем, кстати, оправдать наше участие в этом празднике, – что философия действительно причастна к осознанию именно этих смыслов. Однако звучит это всё в устах чиновника, пусть и мирового уровня, достаточно прагматично. Философия с точки зрения такого, по сути своей культурологического подхода, превращается в *практическую философию* (не в кантовском, а в житейско-прикладном смысле). «Практическая философия несёт с собой динамику развития, позитивно влияющую на всё общество», и задача состоит в том, чтобы «использовать огромный преобразовательный потенциал, которым обладает философия» [3]. Философия, таким образом, связывается не только с культурой и образованием, но также и с политикой, и с экономикой, превращается в своеобразный инструментарий (у И. Боковой так и звучит – «инструментальные средства», «les moyens», «the means»).

И всё-таки такая культурологическая прагматика, безусловно, больше отвечает духу философии, чем прагматика административного подхода. Сегодня наши администраторы видят в философии – как учебной и научной дисциплине – ещё один *источник зарабатывания денег* в духе коммерциализации высшего образования. Если ты, товарищ философ, настолько принципиален, что ставишь двойки студентам-контрактникам, то, с точки зрения администрации, ты занимаешься экономическим саботажем вуза (справедливости ради заметим, что этот упрёк может относиться к любой дисциплине). Точно так же оценивается твоя работа и тогда, когда ты ставишь слишком много пятёрок – ты растрачиваешь стипендиальный фонд, а он ведь «не резиновый». Это, так сказать, «пассивное» административное оправдание – философия (опять же, как и любая другая учебная дисциплина) оправдывается постольку, поскольку «не высовывается», занимает угодную середину, не мешает зарабатывать деньги (что в первую очередь философии, с её критическим потенциалом, и не свойственно).

Но этого сегодня не достаточно – «активное» административное оправдание наступает только тогда, когда философия сама зарабатывает деньги. Если она не приносит в копилку вуза несколько тысяч хоздоговорных копеек, то она (т. е. кафедра, заведующий, преподаватель) уже теряет право на существование. Даже научные конференции рассматриваются в первую очередь как мероприятие по пополнению специального фонда. И подобное отношение разъедает, опять-таки, не только философию, но и любую науку¹. Философия, таким образом, превращается в чисто прикладную науку, что ей по определению (если хотите, по этимологии) не свойственно; но ведь и наука как таковая, в том числе прикладная, превращается теперь уже действительно в «продажную девку капитализма». Научный успех оценивается в первую очередь рыночным успехом. Новейшее словцо «инновации» означает не что иное, как именно коммерциализацию научной новизны. Напротив, можно вместе с Ф. Бэконом «с полным основанием утверждать, что из всех людей только учёные любят труд ради него самого. Ведь те, кто любит дела и труды ради приносимой ими выгоды, подобны наёмным рабочим, любящим работу ради той оплаты, которую они получают за неё» [1, с. 93]. Возможно, сам лицемерил, мздоимец, и всё-таки, с точки зрения поиска истины и любви к мудрости это действительно так, только прагматикам-финансистам никогда не понять и не оправдать в этом философов «не от мира сего», как неверующим никогда не понять верующих.

В последнее время философия стала оправдываться также в глазах рекламодателей – они ищут в ней *бренд*, *маркетинговый ход*, они обращаются к философии уже почти так же серьёзно, как к смете денежных расходов. «Философия качества» (это реклама водки), «философия отдыха» (это реклама пива), «философия глупости» (это реклама молодёжной одежды и, натурально, реклама глупости), «философия здоровья» (это реклама коралловой водички), «философия совершенства» (это реклама веллнесс-центра), «философия круга» (это реклама интерьера). Или просто: «Infiniti: PHILOSOPHY» (реклама автомобилей), «Духи Philosophy» (пояснений не требует), «Philosophy di Alberta Ferretti» (это не философ, это модельер такой). В конце концов, – «философия рекламы» как учебник (учебная дисциплина!) и как реклама рекламной компании.

Каждая уважающая себя и своих клиентов (особенно философов) компания обзаводится своей философией – особенно, пожалуй, к этому склонны автопроизводители: «*HONDA – это компания. Которая основана на философии больше, чем на маркетинге. Поэтому то, как мы делаем,*

¹ Кстати, кандидаты всех наук скоро станут докторами философии – и мало кому объяснишь, что дело тут в своеобразной английской традиции, не очень-то пригодной к нашей почве, а не в том, что между философией и прикладной наукой нет никакой разницы.

настолько же важно, как и то, что мы делаем и что говорим. В этом наша марка является сердцем нашей философии». Почему творцы рекламы избирают именно это слово? Может быть, как раз потому, что они – «творцы»? Очевидно, ими интуитивно ощущается в философии глубокий смысл, на котором они и хотят выстроить свою рекламную кампанию. Или пытаются найти в своей рекламной политике – в этой, как показано в одной недавно защищённой по логике рекламного дискурса диссертации, «аргументированной лжи» – этот самый глубокий смысл, придать его с помощью употребления «глубокомысленного слова» тому, что мелко и пошло, и что хотелось бы по этой причине завуалировать².

Так оправдывается философия современным прагматическим обществом. Но мы, как философы, должны думать об оправдании философии со своей точки зрения. Наша точка зрения уже выражена в названии – оправданием философии является смысл человеческой жизни. Почему, и как это понять? И в чём тогда состоит этот самый смысл жизни? Чтобы ответить на этот вопрос философски, надо, очевидно, определиться с понятиями, т. е., прежде всего, определить – *в чём смысл слова «смысл»?*

Не злоупотребляя этимологией, обратим внимание, прежде всего, на полисемантическую словоупотребления. Смысл мы можем толковать, по крайней мере, трояко – как значение, как цель и как ценность.

Первое, чисто логическое употребление – понимание смысла как *значения*, как некоего содержания. Правда, логики сразу же вспомнят Готлоба Фреге, который развёл «смысл» (Sinn) и «значение» (Bedeutung) имени: значение как именуемый предмет отличается (или может отличаться) от смысла как той информации о предмете, которая содержится в имени. Но в этом различии скорее присутствовала интенция к сближению – аналитическая философия, признавая, что «смысл выражается по-разному не только в разных языках, но и в одном и том же языке», поставила своей задачей преодолеть это несовершенство естественных языков: «Правильная связь между знаком, его смыслом и значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл, а смыслу, в свою очередь, – определенное значение» [5]. Таким образом, используя этот логический параметр, мы, в конце концов, отождествим смысл со значением. Но если мы будем искать оправдание и смысл философии в таком «смысле», то придём к логическому или лингвистическому анализу, к другим техническим – безусловно, нужным,

² Отметим попутно один, безусловно, интересный проект, возникший, очевидно, на стыке рекламы, искусства и философии – «философию форм» каталонского дизайнера Джениса Каррераса (Genis Carreras), который в серии минималистичных постеров (Philographics), используя простейшие геометрические формы, передаёт суть абстрактных философских понятий (см.: <http://newstock.org.ua/art/filosofiya-form/>).

важным, но всё-таки техническим – философским ипостасям, и потеряем ту жизнь, которая как раз и отражается в синонимике, омонимике и прочих логически-аналитических несуразностях живых языков.

Во-вторых, смысл может пониматься как *цель* – и чаще всего именно так и понимается, когда речь идёт о смысле жизни, воспринимаемой как совокупность отдельных событий, т. е., собственно, о смысле этих её отдельных проявлений, событий, действий. Смысл слова «смысл» в этом смысле – в постановке цели, и соответственно, в некоем приземлении смысла. Мы хотим куда-то доехать, до чего-то дожить, что-то достичь... Не обязательно речь идёт о чём-то чисто материальном, хотя в большинстве случаев дискурс о смысле-цели сводится именно к материальным вещам, поскольку цель должна быть достижима, её нужно «пощупать», почувствовать (кстати, тут и этимология помогает – английское «sens» и как смысл, и как чувство). Даже если цель ставится не чисто материальная – духовная, возвышенная, благородная, идейная – смысл её достижения подчиняет себе жизнь как таковую, делает человека зависимым от внешней по сути цели, делает жизнь бессмысленной в случае достижения поставленной цели. Кроме того, смысл как цель оправдывает средства. В конце концов, мы приходим к оправданию материальной прагматики и можем говорить о смысле чего угодно в современном мире. Если смысл-цель нельзя достигнуть – это уже не смысл, а бессмысленное мечтание.

Наконец, третье значение смысла – это *ценность*. Пожалуй, только в этом смысле можно говорить о *смысле жизни в её целом* – не распадающейся на отдельные события, а связывающей эти отдельные события в единое существование. Связью этой являются идеальные ценности, раскрывающиеся в отдельных движениях жизни, но понятные только как нечто высшее, причастное человеку в целостности его духовно-телесного существа. Такие ценности *бесценны* в материальном смысле этого слова – они не просто выше всякой цены, они скорее несоизмеримы с материальной ценой. Они даже *бесполезны*. Если смысл как цель – это некая польза, то смысл как ценность – это бесполезность с практической, материальной точки зрения. В чём польза *общения*? В чём польза *дружбы*? В чём польза *любви*?

В чём польза любви к *истине*, любви к *красоте* и наслаждения красотой? Так возникает целый ряд идеальных ценностей как смыслов, из которых, в конечном счёте, складывается смысл жизни. (Конечно, можно и к этим ценностям подойти утилитарно-практически и получать от них пользу, но тогда уже, собственно, речь будет идти не о дружбе, любви, красоте или истине, а об их суррогатах, работающих на удовлетворение похотливо-суетливых целей.)

Кроме своей материальной бесполезности, эти ценности-смыслы, в отличие от ценностей-целей, обладают качеством принципиальной

незавершённости, процессуальности, устремлённости в бесконечность. В этом смысле смыслом наполнено каждое мгновение человеческой жизни, даже если оно не подчинено достижению какой-либо цели. *Смысл жизни так же недостижим, как любой идеал, но в то же время он ближе, чем любая из поставленных, но ещё не достигнутых целей.* Можно было бы сказать – смыслом человеческой жизни является сама жизнь. Но это банальность, в которой пропадает рефлексия, а значит – и сам смысл. Смысл жизни становится понятным тогда, когда о нём поставлен вопрос. И смысл жизни исчезает, когда на этот вопрос дан однозначный ответ.

Из этих рассуждений уже должно быть понятно, почему всё-таки смысл жизни – т. е., смысл как ценность, – является оправданием философии. Очевидно, потому, что философия, как и жизнь, представляет собой некую целостность, трудно разложимую на отдельные составные части. Оправдание философии с точки зрения прагматически-утилитарных подходов, на самом деле, не просто ставит её в положение служанки – политики, администрации, рекламы и т. д., – но фактически разрушает её, дробит на *прикладные* кусочки, которые можно *прикладывать* к больным местам, но которые вряд ли уже в этом качестве могут быть *любовью к мудрости*. Философия как любовь к мудрости с точки зрения цели бессмысленна, поскольку её цель не достижима, ибо она – не мудрость, она – любовь к мудрости, движение к ней. Философия, будучи во многих отношениях наукой (ибо мы всё-таки говорим не о житейской мудрости, а о специально добываемом знании), отличается от последней тем, что больше задаёт вопросов, чем отвечает на них. Наука часто считает это признаком ненаучности философии (конечно, в философии тоже достаточно дилетантизма, как и в науке), но на самом деле это её родовой признак, относящий её к поиску смысла жизни. Смысл жизни всегда ищется, о нём постоянно возникает новый вопрос, и это вопрошание и есть философия. Почему философия, а не наука? Потому что смысл – это не математическая формула с точным ответом. Смысл нужно искать, он, как и философия – вечное вопрошание. Философия, как и смысл жизни, бесконечна и непостижима – она не заканчивается, она не находит смысла, она его всегда ищет. Она непостижима, и в этой непостижимости её вразумление. «Философия есть *рациональное преодоление ограниченности рациональной мысли*. Она есть умственная жизнь, питающаяся живой интуицией сверхрациональной реальности и улавливающая её непосредственно непостижимое существо» (С. Франк) [4, с. 253].

Если в жизни есть смысл, то существование философии оправдано. А если существует философия, то жизнь имеет смысл.

Литература:

1. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук [Текст] / Ф. Бэкон // Соч. в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1977.
2. Платон. Федон [Текст] / Платон // Собр. соч. в 4 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1993.
3. Послание Генерального директора ЮНЕСКО г-жи Ирины Боковой по случаю Всемирного дня философии 17 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/ru/unesco/about-us/who-we-are/director-general/messages/>
4. Франк С.Л. Реальность и человек [Текст] / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1997.
5. Фреге Г. Смысл и значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/frege/02.html>.